

АНАРХИСТ

Открытое письмо «молодым» социалистам-революционерам

Революция — не только время борьбы, но и время образования новых учений, партий, кружков.... Возникают они массами, гибнут незаметно... Являются молодые партии, которым так и не суждено дожить до старости. Это, конечно, не обязательная участь всех. А потому каждое из новых нарождающиеся учений имеет право требовать к себе внимания.

Вы, «молодые», молоды не только тем, что работаете недолго, но и тем, что вы еще не успели определить своей физиономии. Это — не упрек. Это — указание на факт, с которым вы, вероятно, и сами согласитесь. Потому-то вы, надеюсь, не удивитесь, если обращусь к вам с открытым письмом, прося разрешить мои недоумения. Хочу себе уяснить вашу физиономию. Читая вашу литературу, я вынес впечатление чего-то неопределенного, рыхлого, расплывчатого... от берега парламентского социализма отплыли, до берега анархического коммунизма не доплыли. И вертится, крутится ваша партийная лодочка.

Но раньше всего объясню, чем именно вы приковали мое внимание.

Вы откололись от «старых» С.-р-ов. Вы призываете к социальной революции сейчас же; то есть отказываетесь от программы-минимум, от парламентаризма. Признаете революционную экономическую борьбу — экономический террор.

Правда, ходят слухи, что в признании экономического террора вы порядочно подхрамываете... Но слухам ведь доверять нельзя, а поэтому — пока об этом забуду.

С другой стороны, вы коллективисты (большинство из вас) и государственники. Признаете «диктатуру пролетариата». Скажу

вам, что меня не столько смущают пункты нашего разногласия (коллективизм и государ.), сколько пункты нашего согласия. Где я с вами расхожусь — это мне ясно; где и насколько мы сходимся, и сходимся ли — вот это неясно. Я, конечно, приветствую ваш отказ от программы-минимум, от парламентаризма, так как вижу в этом нашу победу, победу анархистов-коммунистов... Вы — наши ученики. Не мы ли выдержали отчаянную, могучую борьбу за все те пункты, которые вы признаете. Отказ от парламентаризма... революционная борьба... Господи, сколько крови пролито за это и сколько льется и теперь! «Утописты! Убийцы! Выродки!» — так встретила нас буржуазия и буржуазные социалисты... Но мы не пугались этих громовержцев... С глубокой верой в свою правоту анархисты продолжали свое творческое разрушение... Тюрмы... виселицы... пытки... этим ответила буржуазия; грязью и злобой — социалисты...

Прошли годы. Участились схватки между капиталом и трудом... ярко выступила беспомощность и ненужность парламентаризма... необходимость насильственной борьбы и в «свободных» странах. Демократы на время смутились, но скоро оправились: они затрубили о необходимости всеобщей стачки, мирной, конечно; стачки политической — это тоже понятно. Но это разочарование не прошло даром для раба современного общества... Чутко стал прислушиваться пролетарий к речам бунтаря-анархиста. И медленно, но верно разрастался и разрастается анархизм. О, да, легализм и на него отчасти повлиял; законность притупила острие меча; но битва близка, а в битве опять он приобретет прежний блеск и силу... По пролетарским рядам пронесся клич: «Долой мир с буржуазией, купленный за свободу социалистических фраз!» Этот клич прозвучал и по всей России великой... Вы, «молодые», не остались глухи к этому кличу. Это наша победа — это победа и революционного класса. Не думайте, что мы преувеличиваем значение этой победы — нет, но она характерна для современного момента.

Вы коллективисты и государственники... Что же, об этом специально с вами говорить не приходится. Возражения, выставленные в статье «о коллективизме и государственности» на эту тему относятся, конечно, и к вам. Разве только одну маленькую добавочку: *поскольку* мы признаем, что у социалистов-демократов *две* программы-минимум (одна — демократическая республика, другая — коллективизм), постольку мы не согласны, что вы окончательно отказались от программы-минимум (см. статью: «о коллектив. и гос.»). Вы отказались от одной — демократиче-

ской республики, но признаете вторую — коллективизм. И еще: ваш «коллективизм» как-то особенно странен. В одном виденном мною вашем листке, между прочим, было сказано: «сама природа возложила на нас обязанность трудиться; и всякий, нарушающей ее, этим самым совершает преступление». Это была не прокламация — я не стал бы придираться к прокламации — а что-то вроде манифеста; да он, между нами говоря, был почти повторением знаменитого «манифеста равных». Это обоснование *обязательного* труда, и признание отказа от него *преступлением* есть, конечно, обоснование коллективизма и государственности. — Обязанности! Преступления перед законами природы! Может, вы припомните, сколько во имя «велений природы» было совершено гнусных преступлений? Во имя этих «естественных» законов, «законов природы» строилось так много виселиц!... Ведь строящий был так спокоен! палач мог иметь такое лучезарное лицо! Не кровь проливает он, а «законы природы» охраняет; это не «живое сердце биться перестало», а погиб нарушитель «естественного» закона. И не подумали вы о том, что все естественное не нуждается в «водворении» полицейским порядком. Уж если пользоваться «естественными законами», то хоть сделать иной вывод: раз трудиться обязанность не внешняя, а «голос природы», то уже, наверное, государство водворять ее не должно будет. Так и говорят некоторые анархисты, и они, безусловно, логичнее. Шаткость вашего обоснования меня собственно интересует вот почему: не оказало ли косвенное давление на ваш коллективизм то обстоятельство, что вы *не хотели* окончательно порвать со «старыми»?

А не хотели вы не из-за хитрых дипломатических соображений. Нет. Вы, может быть, бессознательно чувствовали то же, что я: хоть вы отказались от программы-минимум, все же вы ближе к «старым» с.-р.-ам, чем к нам. Вот тут-то мы подошли к тому пункту, который мне особенно хочется выяснить. Мы с вами согласны, что нужен призыв [к разрушению, террору]. Так. Но нет ли здесь больше сходства случайного, чем программного, идейного. Вы признаете экономический террор. Прекрасно. Но на этом пункте мы, может быть, согласились бы с социал-демократами. Представьте себе на минутку, что и социал-демократы признали необходимость сейчас социальной революции, а не буржуазной. Как вы думаете, стали бы они *тогда* яростно нападать на экономический террор? Безусловно, нет. В самом деле: происходит великий бой между капиталом и трудом, разрешается великий

спор двух миров! Злобный, загрязненный, старый мир корчит-ся, безумствуя жестоко... Новый мир нарождается... Станет ли соц.-дем. или «старый» с.-р. охать и стонать по поводу разрушения, террора? Нет, конечно. Значит ли это, что они признают, как и мы, террор — тоже нет. А что нас отличает? Наше отношение к насилию в мирное время господства демократии, время расцвета «общенациональной» культуры. Мы говорим: духом бунтарства, насилием мы разрушим буржуазно-демократическую идиллию. Мы говорим: когда буржуазия будет отуманена пиром «порядка» и «народовластия», грозная пролетарская рука должна написать: дух разрушающей — дух созидающий! Мы говорим: все «свободы» (слова, печати, собраний) для нас не нужны, являются буржуазной удочкой, если для пользования ими необходим хоть частичный отказ от насилия; они для нас недоступны — если мы развернем по всей линии действительно классовую борьбу. Ну, а террор во время революции — что же об этом и толковать? это ясно. Так вот теперь вы уже понимаете мое недоумение? Мне мало знать, что вы признаете террор и прочее; надо — для определения вашей физиономии, знать, как вы относитесь к террору в период демократии. Хорошо, вы говорите, что надо призывать к социалистической революции. Возражения, выставленные из лагеря «старых» (вспомним хотя бы статью В. Чернова в «Мысли»¹) — ребячески поверхностны — согласен. Но ведь нелепо быть утопистом и совершенно исключить возможность господства буржуазной демократии на время; смешно отрицать возможность, что и нас еще ждет период господства культурного класса капиталистов. *Тогда* как вы отнесетесь к антибуржуазному террору? *Тогда* как вы отнесетесь к насилию, к буржуазным свободам? На это в вашей литературе ясного ответа нет. А только это и могло бы рассеять мои, да, надеюсь, и не только мои, недоумения.

Я себе так представляю логику вашего развития: «старые» с.-р.-ы выставили в программе-минимум социализацию земли. Тогда и начался раскол в партии. Многие указывали, что социализации земли в деревне соответствует социализация фабрик и заводов в городе. Иначе — так рассуждали оппозиционеры — программа искалеченная, половинчатая; это какая-то двойная бухгалтерия. И «оппозиционеры» правы. И опять-таки возражение В. Чернова, что в городе тоже есть земля, и что она, а не фабрики и заводы, подлежит социализации, просто вызывает смех. Но раз социализация земли с логической необходимостью ведет

к социализации орудий производства, то «молодые» последовательно отбросили программу-минимум и выставили максимум. Отсюда вытекает их терроризм. Но я уже доказывал, что этот террор совсем не уничтожает принципиальных и тактических разногласий между нами и социалистами-демократами. Вот почему я опять повторяю и резко подчеркиваю необходимость для вас дать ясный ответ на ясный вопрос: каков должен быть путь подготовки пролетариата к социальной революции, отношение к классовому насилию в период демократии? А ваша литература уделяет этим вопросам страшно мало внимания; вы, то и дело, поглощены вопросом: нужна ли или не нужна программа-минимум. Не выяснен у вас и следующий вопрос: вы — государственники; государство в принципе вы признаете. Добившись в буржуазном обществе *силой* какого-нибудь улучшения, не будете ли требовать, чтобы оно было санкционировано законом? Анархисты этого не требуют, а вы — не знаю; темна вода во облацех. Было бы также желательно, чтобы вы яснее говорили о тех результатах, которые получатся после социализации земли и фабрик. Ибо словечки «социализация», «национализация» сами по себе ровно ничего не говорят: вот и Вандервельд в Бельгии требует «национализации» копей и железных дорог; но в результате эти «национализации» фактически ничего рабочему классу не дают. Но это так, мимоходом. Главное же я кончил; я только добавлю несколько слов о вашей «диктатуре пролетариата». Впрочем, сомневаюсь, чтобы вы его рассеяли, ибо, откровенно говоря, сомневаюсь, ясно ли вам самим, что за этими словами кроется...

Разберемся в этом. Многие из вас на вопрос, что такое «диктатура пролетариата», отвечают: пролетариат должен выступить организованно, планомерно. Уверяю вас, что сам такие речи слышал. Но вы-то сами посмеетесь над этим. В самом деле. Анархисты *не* за организованность? *Не* за планомерность? Конечно, да! И с каких это пор организованность и планомерность действий называется диктатурой? Но говорят еще иное: «во главе движения должны стать более опытные, более даровитые люди». Это так. И Кропоткин, и Бакунин согласятся с этим; они указывают, что более даровитые, знающие были и будут помощниками рабочего класса в великой освободительной борьбе... но при чем же здесь «диктатура»? Если так, то каждая группа анархическая, вся фракция «молодых» — диктаторы! Они ведь более опытные, более знающие... Перейдем, наконец, к третьему, наиболее вероятному,

предположению: под диктатурой вы разумеете захват власти силой для организации сил, для борьбы с реакцией... Но и тут беда: что разумеет под властью? Разумеете ли фактическую силу — духовную и физическую — трудящихся? Этой *властью* вы будете защищать революцию? Но как же, какая же сила у анархистов будет бороться за революцию, если не фактическая сила рабочих масс? Остается последнее, наиболее вероятное предположение: отчасти сами рабочие, а особенно отсталые слои населения, часть армии заражены *боязнью* и *уважением* к власти. Часть отсталого населения привыкла слушаться тогда, когда свыше приказано. Часть армии, не перешедшая на сторону революции, может легко повиноваться приказу, декрету, власти. Да, увы, еще сами рабочие отчасти развращены и отуманены государством и, пожалуй, яростней будут отстаивать свои же требования, но санкционированные властью и сделавшиеся законом. И вы хотите использовать эту боязнь, это уважение! Хотите дело освобождения и дело обороны вести, расширяя идею власти?! А тогда вы в нас имеете *непримиримых* врагов.

Все слои населения должны подчиниться или фактической силе, или убеждению. Момент освобождения рабочего класса должен быть моментом освобождения от идеи какой-то благодетельной организованной власти, от почитания ее, как и от боязни. Пользоваться властью для *блага* рабочих и для устрашения их врагов — одинаково реакционно, ибо только тогда духовно и фактически освободится рабочий класс, когда разрушит в себе веру во всякую власть — добрую или злую, карающую или милующую. И время революции — великое время духовного перерождения рабочих масс!

Тогда-то они видят свою мощь! Тогда-то должна развернуться самодеятельность рабочих масс! Тогда-то надо разрушать, разрушать и разрушать веру и боязнь власти! А вы эти инстинкты хотите использовать! На этих мутных, реакционных инстинктах опереться, хотя и для очень хороших целей! Нет, вам, очевидно, самим не ясен смысл этой «диктатуры»! А она или имеет этот смысл, тогда — долой ее! Ничего, кроме вреда, она не принесет! Или никакого смысла не имеет — тогда выкиньте из своего словаря эти бессодержательные фразы.

Итак: 1) поскольку вы коллективисты и государственники, постольку вы все-таки признаете программу-минимум.

2) Ваше отношение к насилию и демократии должно быть выяснено; иначе я не думаю, чтобы вас можно было назвать анти-буржуазными террористами.

3) Выяснено должно быть: будете ли вы требовать оформления *законом* силой добытых прав.

4) Вы должны объяснить, что такое ваша «диктатура». Тут я, собственно, даже полагаю, что или это фраза, или вредное и реакционное желание использовать рабские инстинкты массы.

Я кончил. Хочу только добавить. Может быть, ваши разъяснения самым коренным образом изменять мои взгляды на настоящее и будущее вашей фракции. А теперь вы кажетесь мне чем-то уже очень неопределенным, рыхлым; ваши теории — молодыми, зелеными... И невольно возникает вот какая мысль. Революция *на время* кончится. Буржуазия *на время* окажется госпожой положения. Потекут мирные парламентские дни или борьба за улучшение парламентаризма. Для анархистов-коммунистов это будет причиной более резкой, более классовой тактики... Для «старых» с.-р-ов — призывом к еще более мирной культурной борьбе... Расстояние между анархистами и «старыми» увеличится. А вы — вы останетесь посередине, одинокие, затерянные... Я уже указал на вашу неопределенность, расплывчатость... Но вечно длиться она не может. И в ваших рядах наступит смущение... Но ненадолго... некоторые очнутся точно от долгого сна... Очнутся и побегут туда, куда давно влечет их судьба — к «старым» с.-р-ам. Часть, изверившись окончательно, откажется от своих верований, — это бывает при разложении всякой партии. Третьи пойдут к нам. И будут они сеять семена бунта и возмущения во имя великого созидания! «Утописты, убийцы, выродки!» — так встретит их хор голосов... И между ними они ясно расслышат сытовато-злой фальцет «старых»...

И, довольные, что отряхнули прах с ног своих, они отдадут свои силы на служение анархическому коммунизму. А впрочем: это только так, предположение... С окончательным выводом я подожду до разрешения вами моих недоумений.

